

РЕЦЕНЗИИ

DECSY G., KRUEGER J.R. THE LINGUISTIC IDENTITY OF EUROPE. EUROLINGUA.

Bloomington, Indiana, 2000. P. 1, 2. 507 p.

ДЕЧИ Г., КРЮГЕР ДЖ. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ ЕВРОПЫ.

Блумингтон, Индиана, 2000. Ч. 1, 2. 507 с.

Книга Г. Дечи в сотрудничестве с Дж. Крюгером является не только ценным источником для лингвистов, но также историков, этнографов, социологов. Она представляет своего рода расширенную энциклопедию, где буквально о любом языке Европы (и не только Европы) можно получить исчерпывающие сведения: о его возникновении, языковых контактах, взаимовлияниях, его распространении, изменении его границ и дальнейших перспективах языкового развития Европы.

В первой части подробно излагается лингвистическое прошлое и настоящее Европы. Построена книга весьма оригинально: вначале рассматриваются наиболее значительные языки Европы (немецкий, французский, английский, итальянский, русский – major languages). Большинство менее значительных языков объединяются в зоны, связанные с их местоположением. В таком порядке рассматриваются языки зоны Викингов (датский, норвежский, исландский, ирландский, шотландский, валлийский), Приморской зоны (фризский, нидерландский, баскский, испанский, португальский, мальтийский), Дунайской зоны (чешский, словацкий, венгерский, словенский, сербско-хорватский), Балканской зоны и зоны Камы. Отдельно сгруппированы изолированные языки и языки диаспор. Описание языков по таким зонам, безусловно, имеет свои преимущества: языки берутся не изолированно и даже не соответственно их генетическому родству, а во взаимодействии с другими, как родственными, так и неродственными, языками. Однако такое объединение языков имеет свои недостатки. Так, Приморская языковая зона, куда включены языки побережья Северного моря и столь отдаленные Атлантического океана и Средиземного моря, конечно же, не представляет такого единства, как Балканская или даже Дунайская зоны.

Введение представлено двумя очень интересными разделами: «Европа как лингвистический феномен» и «Происхождение человеческой речи и европейская предыстория». Обращается внимание на то, что благодаря своему географическому положению и умеренному климату Европа занимает особое место среди пяти континентов. Может быть, именно поэтому она характеризуется разнообразием и в то же

время неравномерностью распределения языков. Это во многом связано с ролью рек, по берегам которых в основном и распространялись разные народы. Культурная жизнь в Европе зависела от шести или семи главных рек, в то время как на других континентах обычно одна река (судьбоносная) играла главенствующую роль, поэтому и культурных зон в Европе было гораздо больше. Предпринять описание существующего лингвистического положения в Европе Г. Дечи побудило, видимо, то обстоятельство, что со времени выхода книги А. Мейе (*Les langues de l'Europe nouvelle*, Paris, 1928) многое изменилось.

В разделе «Происхождение человеческой речи и Европейская предыстория» собраны все последние теории о происхождении человеческой речи. Приводятся мнения ученых, которые видят ее истоки в теории междометий (с.16), состоящих из неких звуковых комплексов, используемых для коммуникации. Это могли быть и различные оноματοпоэтические звуки: имитация рева животных, хруста ветвей, гудения ветра, раскатов грома и т.д. Первые звуковые сигналы (по Стойкеру и Гардеру) служили для выражения таких эмоций, как отвращение, радость, засаженчивость и т.д. (ср. также мнение эпикурийцев Дж. Локка, Ж. Руссо, Я. Гримма). Приводя и другие теории (synergistic theory), авторы склонны считать теорию междометий одной из теорий, наиболее соответствующих древним средствам выражения примитивного человека. Подтверждением данного положения являются некоторые данные в работе Банчеровского (Banczerowski, 1969), цитаты из которой приводятся в данной книге о том, что речь возникла как вторичная функция определенных физиологических органов (которые мы теперь называем органами речи) в течение долгой эволюции человеческой расы. Это положение далее развивается и показывается, что одним из первых открытий для человеко-обезьян (ape-men/ men-apes) был тот факт, что эти органы производили разные шумы. На следующей ступени различные шумы (артикулируемые и тембровые звуки) выражали специфические эмоции, но чтобы их превратить в семантические и социально-значимые сигналы, потребовался довольно длительный промежуток времени. Но ведь язык междометий характе-

ризуется причинностью (a causal-language), в то время как развитые языки характеризуются произвольностью слова (arbitrary languages). К сожалению, в книге не были использованы труды таких русских ученых, как Б.В. Якушин, который считает, что знаковая система первобытного человека состояла из двух субстанций – звука и физического движения. «Первоначально роль жеста и позы доминировала... но постепенно роли переменялись, и звуковой язык начал преобладать» [1]. Это, конечно, не значит, что междометия не играли никакой роли, но это мог быть и другой звук или звуковой комплекс, связанный с определенной ситуацией и впоследствии за ней закрепившийся. Однако интересны примеры, касающиеся междометий в развитых языках. Авторы считают, что их гораздо больше, чем приводится в грамматиках. Так, в ненецком и селькупском имеется необычно большое количество этих слов, которые можно подразделить на несколько классов в зависимости от той функции, которую они выполняют (с. 18). Все это указывает на тот факт, что они начинают включаться в процесс превращения в значимые слова; например, финск. *karina* несколько десятков лет назад обозначало «шум, бряканье» (*clatter*) и было лишь междометием. В настоящее время оно приобрело значение «восстание, революция». Человека отличает от животного не столько способность говорить, но скорее тот факт, что он обладает условными словами (*arbitrary words*), которые могут появиться только в организованном групповом обществе в результате условных абстракций (с. 19).

Заслуживает внимания также одно из интересных рассуждений авторов книги. Из существующих где-то примерно 3 000 (хотя в некоторых источниках приводится 5 000) языков сравнительное языкознание в состоянии установить генетическую связь в лучшем случае между несколькими сотнями из них. Видимо, это происходит, как установили последние лингвистические исследования, по той причине, что во всех языках мира набор средств для лингвистического выражения ограничен. Комбинаторные сочетания звуков, образования слов и предложений также имеют много общих черт. Отсюда проистекает и теория лингвистических универсалий, цель которой – доказать общность построения языков. По мнению авторов книги, лингвистическое разнообразие – результат независимого развития тысяч изолированных людских сообществ, что было возможно при учете общностей анатомического и социального характера человечества, что и привело приблизительно к одинаковым результатам в производстве речи. Такие звуки, как *p*, *t*, *k*, которые считаются немаркированными в противоположность маркированным *b*, *d*, *g*, должны были возникнуть раньше, поскольку маркированные звуки более сложного строения (см. также по этому поводу Decsy *Language Origins Research: State of the Art as of 1997*, Bloomington, Indiana, 1997).

Дечи, как и Б.А. Серебренников [2–5], считает, что многие грамматические формы (суффиксы, окончания) возникли из самостоятельных слов. В рецензируемой работе приводится пример английского адвербиального суффикса *-ly* (*lovely*), который когда-то был самостоятельным словом в англо-саксонском – *la* ‘тело’ (с. 22). Самой же примечательной вещью в языке авторы работы считают не столько его происхождение, сколько его социальное функционирование (с. 22). К сожалению, сравнительно-историческое языкознание не может проникнуть более 4 тыс. лет до н. э., что уже будет входить в задачи палеолингвистики, которая зародилась относительно недавно в 1960–70-х гг. и известна благодаря трудам американских ученых Хьюза (Hewes), Либермана (Lieberman), Роджера Вескотта (Wescott). По мнению Вескотта, человеческий связный язык (*arbitrary language*) является достоянием кроманьонца, т.е. не может быть старше 35 000 лет, а это меньше 1 % филогенеза человека.

В разделе «Лингвистическое прошлое Европы» показывается, как древние европейцы, говорящие на огромном количестве языков, были поглощены двумя генетическими семьями: индоевропейской и уральской. Однако уральские языки постепенно теряли свой престиж, а индоевропейские получали распространение почти по всей Европе. Обе эти семьи различались значительно по своей лингвистической структуре. Миграция индоевропейцев и уральцев с их первоначальной родины началась в 4-м тысячелетии до н. э. Авторы данного труда считают, что предшественники индоевропейцев проживали в течение долгого времени в районе рек Везера и Одера (т.е. на территории современной Германии). Они должны были представлять довольно тесное единство, иначе было бы трудно объяснить лингвистическую общность, которую показывает индоевропейский протоязык. Приводятся и другие точки зрения на прародину индоевропейцев, но почему-то теория Гамкрелидзе–Иванова [6] осталась, так сказать, за кадром.

Что касается прародины уральцев, то до 4 000 лет до н. э. они проживали между изгибом Волги и восточными склонами Урала до Обь-Иртышского района. Это как-будто соответствует и последним данным, приводимым Напольских и Верешом [7, 8]. Первыми отделились самодийцы и оккупировали северную часть Восточной Европы, а также Северо-Западную Сибирь, и в течение долгого времени у них не было контактов с финно-уграми, которые продолжали оставаться в прежнем регионе. Только где-то около 3000 или 2500 гг. до н. э. венгры, вогулы и остяки (манси и ханты) начали свою миграцию: венгры на юг, а потом на запад; манси и ханты на восток и юго-восток. На месте их бывшей прародины возник финно-пермский протоязык. Приблизительно в середине второго тысячелетия предки финнов двинулись из Волжского района к Балтике. С этого времени предки финно-угров (венгры,

финны, эстонцы, саамы, мордва и т.д.) обосновались на северо-востоке и востоке Европы [9].

Авторы данного труда не придерживаются индоевропейской и вообще ностратической теории, поскольку, по их мнению, отдельные общности еще не говорят об их общем происхождении. В доказательство своих убеждений ссылаются на то, что уральские и индоевропейские языки представляли собой различные лингвистические структуры даже в 4-м тысячелетии до н. э., которые могли выработаться только при долгом изолированном (самостоятельном) развитии, которое длилось многие сотни тысяч лет (с. 25). Со временем же большая часть уральского востока была поглощена индоевропейцами.

В книге большое значение придается воздействию греческого языка и латыни как наиболее культурных языков Европы. Греческий язык имел большое влияние на европейские языки, начиная со времен Александра Великого (356–323 гг. до н. э.) вплоть до средневековья. Греки были первыми индоевропейцами, которые продвинулись от грамматической к лексической абстракции, т.е. создали огромное количество абстрактных слов, большинство из которых превратилось в общеевропейский культурный слой в качестве заимствованных слов или калек. Другим языком, который внес свою долю в культуру Европы, был латинский язык. Его распространение началось с VI в. до н. э. как языка завоевателей, а затем в средние века как языка церкви. Продуктами лингвистической креативности являются латинские термины в области ремесел, права, государства и др. В книге подчеркивается, что на протяжении столетий латинский язык являлся языком *lingua franca* для Балканского полуострова и интернациональным языком коммерции Средиземноморья. В то же время даже римляне использовали греческую грамматику для объяснения лингвистической структуры латинского языка (с. 28). Таким образом, греческий и латинский языки оставались неисчерпаемыми источниками интеллектуального обновления Европы вплоть до XX в.

Во втором разделе книги (*The Linguistic Present of Europe*) придается большое значение ареальной лингвистике, ибо сравнительно-исторические исследования, имея большие достижения, представляют лишь одностороннее направление. Отдается дань таким лингвистам нашего времени, как Н.С. Трубецкой, К. Сандфельд, Р. Якобсон, Е. Леви, В. Скаличка, Г. Беккер, которые сделали очень много не в генетическом плане, а в структурной сравнительно-исторической лингвистике. Основываясь не только на генетических, но и структурно-типологических и ареальных факторах, в книге впервые предпринимается новый подход к группировке многих европейских языков в языковые зоны, поскольку ареальная лингвистика открывает перспективы для дальнейших исследований. Примечательно, что все описания европейских языков даны на фоне исторических собы-

тий, которые многое объясняют в перегруппировке языковых групп. В XVIII и XIX вв. латинский язык в значительной степени был вытеснен французским, а в западной части Европейского Востока – немецким как межнациональным средством коммуникации. После же Второй мировой войны немецкий потерял свой прежний престиж, и отчасти французский. Этот вакуум заполнил английский язык. В особенности это касается молодого поколения. Однако в Центральной Европе (Польша, Чехословакия, Венгрия и др.) в значительной степени насаждался русский, тем не менее английский занял позицию второго языка в большинстве стран Европы, включая Россию. Он также явился языком Организации Объединенных Наций и большинства интернациональных организаций. В восточном блоке, который объединял страны социалистического лагеря, русский язык становится межнациональным языком, т.е. вторым языком, поскольку это было необходимо в социальных и экономических целях. После 1990 г. русский во всех странах восточного блока был сведен до минимума (кроме русских отделений в университетах), а интернациональную функцию русского взял на себя английский язык.

Особое место в книге занимает описание так называемых языковых зон. Эти общности объединяют многовековые контакты. Правда, наиболее убедительно представлена Балканская зона, о которой уже было много написано Н.И. Толстым и Б. Комри [10, 11]. Общности, характеризующие эту зону, подтверждены грамматическими и лексическими примерами. Однако это нельзя отнести к остальным зонам. Имеется в виду зона Викингов и Приморская зона, где не все языки находились в столь тесном контакте, как в Балканской зоне.

Несомненную ценность представляют последние разделы первой книги – изолированные языки и языки диаспор (с. 236–259). Несмотря на то, что многое известно об изолированных языках, каждый из них служит историческим ориентиром, а сами сведения об этих языках информативны и лаконичны. Языки же диаспор (цыганский, караимский и др.) обычно выпадают из системного описания и даже редко попадают в соответствующие генетические семьи.

Вторую часть книги можно назвать проблемной. В ней ставятся такие глобальные вопросы, как лингвистические границы Европы, взаимное понимание, язык в качестве силы, способствующей объединению, язык и государство, язык и нация, процессы лингвистической интеграции и ряд других. Макролингвистике Европы посвящена большая часть второй книги. Макролингвистика определяется как комбинация внешних и внутренних черт больших групп языков в определенной географической зоне. Она гораздо шире по сравнению с макросоциолингвистикой, поскольку включает генетические и негенетические союзы, которые возникли в силу истори-

ческих и других культурных факторов в последние столетия или тысячелетие. Старая Европа представляет собой своеобразную модель для изучения языков, поскольку она обладает богатой зафиксированной историей и относительно небольшим числом языковых общностей (примерно 62). Неслучайно языку придается большое значение как силе, создающей и консолидирующей общество.

Большие разделы посвящены внешней и внутренней лингвистике Европы. Под внешней лингвистикой подразумеваются некоммуникативные аспекты языка, которыми в основном занимались историки, социологи и психологи («социология языка»). Выделяются две противоположные функции языка: созидательная и разрушительная (т.е. создание конфликтов). Первая ведет к созданию наций и государств (задача внешней лингвистики). В связи с этим обсуждаются языковые границы в Европе в старые и новые времена (с. 272–275). По мнению Дечи, лингвистическое взаимопонимание (*intelligibility*) является одним из факторов лингвистической интеграции.

Люди, говорящие на одном и том же языке, с незапамятных времен образовывали неформально организованные сообщества по интересам (нации, народы). Такие объединения, как правило, основаны на общности языка. Многие государства Европы возникли на базе лингвистических общностей. Хотя имеются примеры, когда при распаде одного государства возникают новые с самостоятельным языком (пример с Австро-Венгрией). В большинстве же случаев языковые общности Европы подчиняют себе менее значительные языки национальных групп, т.е. являются основными языками коммуникации, государственными языками и даже не в одной стране. Так, немецкий язык является не только языком Федеративной Республики Германии, но и Австрии, частично Швейцарии, Лихтенштейна и Люксембурга. Каждый язык связан с определенным народом или группой людей, т.е. нацией. Нации дается много определений со стороны историков и политологов. В данной книге нация определяется как организованная большая группа людей, обладающая следующими чертами:

- общим языком и / или коммуникативной традицией,
- общей географической сферой,
- общей культурой и прошлым,
- общими экономическими интересами (с. 282).

В настоящее же время в Европе под нацией понимается народ, говорящий на одном языке (*speech-nation*), и с конца XVIII в. язык стал главной чертой, характеризующей нацию. К сожалению, такое представление о нации привело к крайнему национализму, как это было в Германии, где язык служил консолидации нации. Эта мысль авторов труда разумна, как и их заключение, что, с другой стороны, после Второй мировой войны национализм привел к об-

разованию большого количества новых мини-государств. В этом отношении авторы книги отдают должное мудрой политике в Советском Союзе, где 10–15 европейских языков в районе Урала и Волги не вымерли, т.е. не были поглощены государственным языком, хотя и не везде были условия из-за местной номенклатуры (с. 283).

Считаю важным заботу авторов книги о так называемых негосударственных языках (*stateless languages*), которых в Европе насчитывается не так уж много (около 15). Авторы данного труда перечисляют меры, которые необходимо предпринять для сохранения данных языков: создать территориальные и / или культурные организации, в которых бы руководили представители языковых меньшинств. Без этих мер исчезновение малых языков, которые представляют культурное наследие Европы, будет неотвратимым. Это будет своего рода языковый музей или «языковые резервации» (с. 285). Высказывается сожаление, что ЮНЕСКО с его авторитетом поддерживает изучение исчезающих языков во всех частях света кроме Европы и Сибири.

В книге большое внимание уделяется малочисленным языкам, языкам диаспор, диалектам и так называемым акролектам (*acrolects*). Затеты такие области, которые до сих пор не имеют четких определений. Культурные языки трактуются как такие языки, которые собственными средствами могут выражать понятия современной цивилизации, науки и технологии (с. 308). Следует остановиться на одном из интересных явлений, которое приводится в книге, – пуризм (*purism*), когда представители какой-либо языковой группы стараются заменить чуждые элементы из неродного языка на новые слова ресурсами своего языка, поскольку заимствованные слова не могут быть разложены на значимые единицы для данного языка, т.е. отсутствует их мотивация. Примерами могут служить нидерландское слово для обозначения театра *shouwburg*, чешское и словацкое *divadlo*, сербско-хорватское *kozalište*, венгерское *szinhar* (досл. stage-building) и др. (с. 321–324).

Если в первой части книги языковые черты европейских языков рассматривались в пределах каждой лингвистической зоны, то во второй части они суммируются по отдельным отраслям языкознания. Ставится много интересных вопросов и дается свое видение их разрешения: языки мира показывают больше сходств, чем различий. Если языки не были бы в определенном смысле похожи друг на друга, невозможен был бы перевод с одного на другой. Эта мысль была высказана в начале XIX столетия Вильгельмом Гумбольдтом, и в дальнейшем она получила подтверждение теорией лингвистических универсалий, поскольку в своей глубинной структуре языки показывают сходство, различия же между ними существуют на так называемом поверхностном уровне (*surface structure*). Поскольку же исследования

языков главным образом касаются поверхностного уровня, постольку на первый план выступают больше различия, чем сходства (с. 340–341). Вне зависимости от того, рассматривается ли происхождение языков как моногенез или полигенез, все равно все языки мира построены по одной схеме. Число различий увеличивается по мере того, как отдаляешься от первоначального материала по направлению к более абстрактным чертам. Основные элементы речевой деятельности везде одинаковы. Этот факт позволяет авторам книги предполагать моногенез человеческого языка (с. 341).

В заключительной части подводятся итоги лингвистической ситуации и дается прогноз лингвистического будущего Европы.

Вообще, каждый раздел книги по-своему ценен и интересен, и о каждом из них можно было бы написать отдельную рецензию. Несмотря на недостатки, которые в основном касаются количества языков и диалектов, т.е. какой язык считать самостоятельным, а какой только диалектом, эта книга является ценным источником для расширения лингвистического кругозора.

О.А. Осипова

Литература

1. Якушин Б.В. Происхождение человека и языка в процессе трудовой деятельности // *Онтология языка как общественного явления*. М., 1983.
2. Серебренников Б.А. К проблеме типов лексической и грамматической абстракций // *Вопросы грамматического строя*. М., 1955.
3. Серебренников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // *Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А.А. Реформатского*. М., 1971.
4. Серебренников Б.А. Что таит в себе уральский притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. -sa? // *Сов. финно-угроведение*. 1976. № 4.
5. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
6. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Ч. 1–2. Тбилиси, 1984.
7. Напольских В.В. *Введение в историческую уралоистику*. Ижевск, 1997.
8. Вереш П. Финно-угорская прародина и этногенез венгерского народа // *Acta Ethnographica Acad. Sci. Hung.* 1984–85. 33/1-4.
9. Decsy G. *The Uralic Protolanguage: a Comparative Reconstruction*. Bloomington, Indiana, 1990.
10. Толстой Н.И. Опыт семантического анализа славянской географической терминологии. АДД. Л., 1972.
11. Comrie B. *Language Universals and Linguistic Typology. Syntax and Morphology*. Second Edition. Chicago, 1989.

БОЛОТНОВА Н.С., БАБЕНКО И.И., ВАСИЛЬЕВА А.А. И ДР. КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ИДИОСТИЛЬ.

Томск, 2001. 331 с.

Состояние современной лингвостилистики оценивается учеными по-разному: одни исследователи говорят о переживаемом ею кризисе, другие – об успешном ее развитии. Оптимистичной была точка зрения известного теоретика и историка этой науки А.Н. Васильевой, считавшей, что стилистика *накапливает силы перед новым скачком* [1]. Перспективы развития этой науки А.Н. Васильева связывала прежде всего с экспликацией представления о формах существования и уровнях функционально-стилистической системы, с разработкой не только продукционной стилистики, изучающей готовую речевую продукцию, но и стилистики речевой деятельности, причем последняя рассматривалась как охватывающая оба основных вида текстовой деятельности – порождение и восприятие речевых произведений. В число приоритетных проблем речеведения включалось и исследование социального стилистического сознания в отношении к сознанию индивидуальному [2].

Выход в свет рецензируемой монографии подтверждает эту оптимистичную точку зрения. Авторы кни-

ги, тонко уловив тенденции развития функционально-стилистической теории, сосредоточились на наиболее актуальных ее проблемах. Одна из них – реализация в стилистическом исследовании методологически важного для коммуникативной лингвистики представления о знаковом общении как познавательно-речевой деятельности, формируемой «сцеплением» действий порождения и интерпретации текстов (Т.М. Дридзе), о сопряженной детерминированности речевого произведения этими видами действий как законе его системной организации (Е.В. Сидоров). В монографии воплощением этой идеи стало изучение регулятивных текстовых структур разных типов, стимулирующих и направляющих познавательную деятельность читателя, оптимизирующих процесс общения. Это позволило разработать последовательно диалогический подход к изучению художественного текста.

Другая крупная проблема, решаемая авторами монографии, – экспликация с коммуникативных позиций понятия *идиостиль*. Он понимается «как многоаспектное и многоуровневое отражение языковой